

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ Т. ПАРСОНСА

Вниманию читателей журнала предлагается перевод статьи Т. Парсонса «Социальные системы», написанной им для «Международной энциклопедии социальных наук». Это не самая известная его статья. Во многие библиографии работ Парсонса, в том числе самые подробные, ее даже не включают (в отличие, скажем, от статей «Профессии» и «Социальное взаимодействие», написанных им для той же «Энциклопедии»). Тем не менее, есть смысл в публикации именно этой статьи. Прежде всего, в силу самого своего характера она дает сжатое и довольно объемное представление о некоторых ключевых аспектах его теории на зрелом этапе ее развития. В отсутствие переводов больших работ это могло бы временно заполнить, хотя бы до какой-то степени, вопиющую брешь в отечественной переводной литературе по социологии. Помимо прочего, этот текст можно было бы использовать в учебных целях.

Вместе с тем, есть еще одно важное соображение. По разным причинам, которые здесь не место обсуждать, в отечественном парсонсоведении, которому уже лет сорок, до сих пор не выработано адекватного (и даже сколько-нибудь единого) языка для перевода социологических понятий Парсонса, что, конечно же, очень плохо — особенно в свете того, что у Парсонса вся аргументация держится на тонких понятийных различиях и строгом употреблении терминов. Подавляющее большинство изданных на русском языке текстов Парсонса (их, к счастью, пока не так уж много) сделано так, будто их автор пользовался языком исключительно для того, чтобы нагнать побольше тумана, уничтожить смысл и вывести из строя вдумчивого читателя, а дабы окончательно добить последнего, старался называть одни и те же вещи в разных местах разными именами. Иной раз возникает ощущение, что дискурсивная манера русскоязычного Парсонса была срисована с дискурсивных манер советского партийного идеолога средней руки — чего Парсонс, разумеется, не заслуживает. Было бы преувеличением сказать, что Парсонс абсолютно прозрачен (в этом его не обвинить); но не надо создавать тумана там, где его нет. Предлагаемый перевод сделан в соответствии с этим простым принципом. Он максимально приближен к оригиналу. Там, где необходимо, приводятся англоязычные оригиналы терминов. Встречающиеся кое-где добавления переводчика, призванные сделать текст более читабельным, заключены в квадратные скобки

Отчасти этот перевод можно рассматривать как экспериментальный. Так, например, уже успевшие утвердиться в русскоязычной парсонсиане термины «образец» и «система поддержания образца» были отвергнуты в пользу менее привычных вариантов «паттерн» и «система поддержания паттерна»; термин *allocation*, заимствованный Парсонсом из экономической науки, был переведен как «аллокация» (вместо «размещения» или более вольных вариантов); термин *reference system*, или *system of reference* передавался как «референтная система» (по аналогии с термином «референтная группа»); и т. д. Возможно, какие-то из предложенных здесь вариантов передачи парсонсовских терминов не будут приняты. Несмотря на это, они могут быть использованы как дополнительные языковые ресурсы для возможных последующих переводов основных трудов Парсонса — более качественных, чем те, которые мы сегодня имеем, — и когда эти переводы появятся, эту периферийную для творчества классика статью, со всеми ее вероятными недостатками, можно будет смело выбросить в мусорную корзину.

В.Г. Николаев¹

---

¹ Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета МГУ им. Ломоносова.

Толкотт ПАРСОНС

СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ²

«Система» — понятие, обозначающее как комплекс взаимозависимостей между частями, компонентами и процессами, заключающий в себе вычленимые регулярные связи, так и аналогичный тип взаимозависимости между таким комплексом и его внешней средой. Система в этом смысле, следовательно, есть понятие, вокруг которого организуется и должна организовываться всякая серьезная теория в дисциплинах, занимающихся понятийной генерализацией. Ибо любая регулярная связь может быть понята более адекватно, если принять в расчет весь комплекс многочисленных взаимозависимостей, частью которого она является.

Социальные системы и система действия

Теоретическую систему, представляющую собой комплекс допущений, понятий и пропозиций, логически интегрированных и соотносящихся с эмпирической реальностью, нужно методологически отличать от эмпирической системы, представляющей собой некоторое множество явлений наблюдаемого мира, которое может описываться и анализироваться с помощью теоретической системы. Эмпирическая система (например, Солнечная система, релевантная для аналитической механики) никогда не бывает в полной мере конкретной сущностью; скорее, она есть селективная организация тех свойств конкретной сущности, которые для соответствующей теоретической системы определяются как релевантные. Так, для ньютоновской механики Солнечной системы Земля есть «всего лишь» частица, обладающая заданной массой, местоположением в пространстве, скоростью и направлением движения; этой ньютоновской схеме нет никакого дела до геологических или человеческих — в т. ч. социальных и культурных — характеристик Земли. В этом смысле любая теоретическая система абстрактна.

Как теоретическая система, социальная система специфическим образом приспособлена к [задачам] описания и анализа социального взаимодействия, рассматриваемого как класс эмпирических систем. Эти системы относятся к поведению (в отличие от метаболической физиологии) живых организмов. Из всех категорий организмов мы в этой статье сосредоточим наше внимание на человеческом социальном взаимодействии, организованном на символических уровнях, которые мы называем «культурными». При этом следует помнить, что такое взаимодействие есть поздний эволюционный продукт, который служит продолжением обширного ряда явлений взаимодействия между другими организмами. Например, всякое двуполое воспроизводство требует в высокой степени структурированных интерактивных отношений между организмами двух полов. Различного рода межвидовые экологические отношения дают нам еще один пример; сюда, в частности, относятся отношения людей с домашними животными.

Аспекты поведения, напрямую относящиеся к системам «культурного уровня», я называю *действием*. Действие в этом специальном смысле включает четыре общих типа подсистем, дифференциация между которыми достигла в современной интеллектуальной истории вполне очевидной отчетливости.

Первая — это просто организм, который, вполне уместно рассматриваясь в одном наборе терминов как конкретная сущность, на более высоком уровне генерализа-

² Перевод выполнен по изданию: International Encyclopedia of the Social Sciences // Ed. by D. L. Sills. The Macmillan Co. & The Free Press, 1968. Vol. 15. P. 458-473.

Опубликовано в: Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). С. 169-203.

ции становится набором абстрактных компонентов (т. е. подсистем) в культурно организованной системе действия.

Вторая подсистема — это социальная система, создаваемая процессом взаимодействия между индивидуальными единицами (units). Ее отличительные свойства представляют собой последствия и условия специфических способов взаимосвязи, устанавливаемых между живыми организмами, составляющими ее единицы.

Третья подсистема — культурная система, представляющая собой тот аспект действия, который организуется вокруг особых характеристик символов и потребностей формирования стабильных систем этих символов. Эта система структурируется в терминах смысловых упорядочений (patterning of meaning), которые в случае обретения ими устойчивости предполагают, в свою очередь, генерализованные комплексы конститутивных символизмов, дающие системе действия ее первичное «чувство направленности» и подлежащие рассмотрению в качестве не зависящих от какой бы то ни было частной системы социального взаимодействия. Таким образом, хотя здесь много ответвлений, ведущих в такие области, как язык и коммуникация, прототипическими культурными системами служат системы представлений и идей. Возможности их сохранения во времени и проникновения из одной личности и/или социальной системы в другую являются, пожалуй, самыми важными критериями независимой структуры культурных систем.

В-четвертых, аналитическое различие между социальной и культурной системами соотносится с различием между организмом и прочими аспектами индивидуального актора, которые мы обобщенно называем личностью. Когда достигаются культурные уровни контроля над поведением, первичные подсистемы действия не могут более организовываться — или первичным образом структурироваться — на органической базе, которая является в первую очередь анатомической, или «физической». Личность, следовательно, есть тот аспект живого индивида как «актора», который *должен* пониматься в терминах культурного и социального содержания усвоенных упорядочений (patterning), образующих его поведенческую систему. Слово «усвоенные» здесь указывает не только на проблему происхождения паттернов с точки зрения [отношения] «наследственность–среда», но также на проблему типа и уровня их содержания. Связь между этими двумя проблемами отчасти отражает тот факт, что у нас нет свидетельств того, что культурное содержание — на том уровне, который мы называем уровнем паттерна, — предопределено генетически. Так, нет никаких свидетельств наследственной «склонности» говорить на каком-то одном языке, а не на другом, хотя генетически детерминированные способности к освоению и употреблению языка имеют основополагающее значение.

Таким образом, социальную систему, развившуюся до уровня действия, мы рассматриваем как одну из четырех первичных подсистем действия, все из которых соотносятся с органическими основами жизни и с органической адаптацией к среде в самом широком биологическом смысле.

В каком-то смысле социальная система — это ядро систем человеческого действия; она — первичное связующее звено между культурой и индивидом (как личностью и как организмом); и этому факту теории «культуры и личности» часто не давали адекватного объяснения. Как главный источник независимости культурных систем от ограничительных органических условий и условий среды она была первичным локусом «операционной связи» человеческой эволюции. Секрет этой эволюционной способности кроется, разумеется, в возможности «реверберации» между находящимися во взаимной коммуникации членами социальной системы, каждый из которых является актором, ориентирующимся на свою ситуацию в терминах сложных, относящихся к культурному уровню преднамеренных значений, и в то же время объектом ориентации, значимым для ориентирующихся акторов. Кроме того, каждый человек является актором и

объектом не только для других, но и для самого себя. Взаимодействие на символическом уровне становится, таким образом, системой, аналитически и, в значительной мере, эмпирически независимой от ее досимволических оснований (хотя и все еще в них укорененной), и эта система способна к самостоятельному развитию.

Уразумение этого основополагающего комплекса фактов конституирует принципиальную основу современной социально-научной теории. Оно было достигнуто за счет соединения [идей из], по крайней мере, четырех источников: психологии Фрейда, отталкивающейся от медико-биологических оснований; социологии Вебера, вышедшей за рамки проблем немецкой интеллектуальной традиции, связанных с идеализмом—материализмом; дюркгеймовского анализа связей индивидуального актора с «социальными фактами» его ситуации; и социальной психологии американских «символических интеракционистов» Кули и Мида, опирающихся на философию прагматизма.

Занимаясь социальными системами, нужно терминологически различать актора как единицу социальной системы и саму систему. Актором может быть либо индивид, либо какая-то коллективная единица. В обоих случаях актор в соответствующей системе будет рассматриваться как действующий в *ситуации*, состоящей из других действующих единиц, относящихся к той же референтной системе, которые рассматриваются как объекты. Система в целом, между тем, функционирует (а не «действует» в техническом смысле) по отношению к своей среде. Системные референции, разумеется, всегда соотносятся с конкретными научными проблемами. Когда говорится, что коллективная (т. е. социальная) система действует, например, в случае осуществления правительством внешних сношений, это будет означать, что она и объекты ее действия конституируют референтную социальную систему, но эти объекты являются для действующего коллективного образования ситуацией, а не средой.

Социальная система и ее среды

Социальная система, как и все живые системы, является в основе своей открытой системой, вовлеченной в процессы взаимообмена (или «отношения входа—выхода») со своей средой, а также сама образуется из взаимообменов между ее внутренними единицами. Рассматривать ее как открытую систему значит, с некоторых точек зрения, рассматривать ее как часть, т. е. подсистему одной или нескольких систем вышестоящего уровня. В этом смысле она связана взаимозависимостью с другими частями более широкой системы или систем и, следовательно, в какой-то мере зависит от них в существенных для нее входах. Прототипом здесь служит зависимость организма в питании и дыхании от его физической среды. Здесь коренится известное понятие *функции*, применяемое к социальным системам, как и ко всем другим живым системам.

Для любой референтной системы функциональными являются проблемы, касающиеся условий сохранения и/или развития взаимообменов с внешними системами, включая входы из них и выходы в них. Функциональная значимость может определяться по простому критерию: дисфункциональным последствиям отсутствия, дефицита или излишка входа в принимающую систему. Например, удушье — следствие неудачи в доставке (input) кислорода, а потому приток (input) кислорода расценивается как функционально значимый для организма. Функция является единственным базисом, на котором возможно теоретически систематическое упорядочение структуры живых систем. В этом контексте функциональные референции вовсе не обязательно уводят от вопроса о том, как возникли структурные аранжировки, ибо биологические понятия изменчивости, отбора и адаптации уже давно дали схему для анализа широчайшего спектра процессов изменения.

Процессы достижения цели, эксплицитно направленные на выполнение функциональных требований, образуют пограничный, но очень важный случай. Выходы в этом смысле имеют первичную функциональную значимость только для той системы, кото-

рая их принимает и которая имеет характер ситуации или среды для референтной системы, хотя для последней они имеют вторичную функциональную значимость. Например, выход из экономики («выпускаемые» блага) идет к «потребителям», но поддержание определенных уровней спроса на выпускаемую продукцию явно имеет огромное значение для производящих организаций. Первичной функциональной значимостью для любой референтной системы обладают именно ее входы. «Факторы производства», фигурирующие в экономической теории, служат классическими примерами: они — решающие входы для экономики.

Связь между любой системой действия, в том числе социальной, и любой из ее сред является принципиально двоякой. С одной стороны, отдельная среда конституирует множество объектов, являющихся «внешними» для системы в картезианско-дюркгеймовском смысле. С другой стороны, благодаря взаимопроникновению система, служащая средой, частично и избирательно включается в референтную систему действия. Интернализация культурных и социальных объектов в личность индивида является прототипическим случаем взаимопроникновения, но принцип, предполагаемый ею, следует обобщить и перенести на все отношения между системами действия и их средами.

Таким образом, ни индивидуальная личность, ни социальная система не имеют никакой *прямой* связи с физической средой; их отношения с последней целиком опосредованы организмом, который служит первичным связующим звеном между действием и физическим миром. В конце концов, это стало общим местом в современной теории восприятия и эпистемологической теории³. В том же самом принципиальном смысле ни личности, ни социальные системы не имеют прямого контакта с предельными объектами референции, т. е. с «высшей реальностью», ставящей «проблемы смысла» в том смысле, который социологи связывают прежде всего с работой Макса Вебера. Эти объекты, которые личности и социальные системы знают и иным образом непосредственно переживают, именуется в нашей терминологии культурными объектами: они являются человеческими артефактами в примерно том же самом смысле, в каком и объекты эмпирического познания. Следовательно, отношения личностей и социальных систем с предельной «неэмпирической реальностью» *опосредованы* в фундаментальном смысле культурной системой.

Подчеркивание отсутствия у них прямого контакта с тем, что находится «вне» их, касается в обоих случаях некоторых качеств окружающих систем как объектов. Есть, между тем, важный контакт с физической и сверхъестественной средами, осуществляющийся посредством проникновения последних в систему действия. Поэтому такие понятия, как знание, не наивные иллюзии, а способы организации отношений между различными системами действия и их средами (Уайтхед и Мид⁴ строили свой анализ действия на философских позициях, схожих с той, которая принята здесь). Отношения между подсистемами действия и между системой действия и системами недействия мы должны трактовать как *плюралистические*. Иначе говоря, между любыми двумя взаимозависимыми и взаимопроникающими системами не будет существовать однозначного соответствия, но будет комплексная связь, которую, вероятно, возможно понять с помощью теоретического анализа. Это касается [проблем] «наследственности и среды», «культуры и личности», «идеальных» и «реальных» факторов социальных систем.

³ Ayer A.J. The Problem of Knowledge. N.Y., 1956. P. 130-133.

⁴ Whitehead A. N. Process and Reality: An Essay in Cosmology. N.Y., 1929; Mead G. H. The Philosophy of the Act. Chicago, 1938.

Необходимо иметь в виду различные среды живой системы, поскольку каждая такая среда втянута в те или иные отношения обмена с данной системой, а специализированные природы этих отношений служат первичными основаниями для внутренней дифференциации системы. Так, система питания и выделительная система, дыхательная система и двигательная система организма дифференцируются друг от друга на этом основании. Именно в этом, как уже было отмечено, состоит принципиальный смысл спорного (в социальной науке, но не в биологии) понятия функции. Основа дифференциации является *именно* функциональной, так как суть ее заключается в дифференцировании отношений входа-выхода системы с различными ее средами и, следовательно, внутренних отношений между дифференцирующимися частями самой системы.

Общество и социетальное сообщество

Исходя из понимания того, что все социальные системы суть системы взаимодействия, среди многочисленных их типов лучшей отправной точкой для общих теоретических целей является общество. Определение этого понятия представляет значительные трудности, истории которых из-за недостатка места мы не можем уделить здесь внимание. Для текущих целей я определю общество как категорию социальной системы, воплощающую на надлежащих уровнях эволюционного развития и контроля над окружающими условиями наивысшую среди всех типов социальных систем степень самодостаточности.

Под самодостаточностью (критерием, который отчетливо фигурировал в западной мысли в связи с этой темой, по крайней мере, со времен Аристотеля) я имею в виду способность системы — приобретаемую благодаря ее внутренней организации и ресурсам и благодаря ее доступу ко входам из ее *сред* — к автономному функционированию в осуществлении ее нормативной культуры, прежде всего ее ценностей, но также ее норм и коллективных целей. Ясно, что самодостаточность — это степень генерализованной адаптивной способности в том смысле, в каком этот термин употребляется в биологической теории.

Термин «среда» употребляется здесь во множественном числе, дабы подчеркнуть, что среда, о которой идет речь, является не просто физической, как в большинстве формулировок биологической теории, но также включает три основные подсистемы действия, кроме социальной, которые были в общих чертах описаны выше.

Основополагающую структуру общества я буду называть социетальным сообществом. Если конкретнее, то на разных ступенях эволюции ее называют племенем, «народом», *полисом* (в древней Греции) или *нацией* (в современном мире). Это такая коллективная структура, в которой члены объединены, или, в некотором смысле, ассоциированы. Ее важнейшим свойством являются тип и уровень солидарности (в дюркгеймовском смысле), которые характеризуют отношения между ее членами.

Солидарность сообщества есть, по существу, та степень, в которой (и те способы, посредством которых) его коллективный интерес будет ожидаемым образом преобладать над единичными интересами его членов, где бы они друг другу не противоречили. Она может заключать в себе взаимное уважение единиц к правам друг друга, связанным со статусом членства, подчинение институционализированным в коллективе ценностям и нормам или позитивный вклад в достижение коллективных целей. Характер солидарности меняется в зависимости от уровня дифференциации общества — дифференциации, которая обнаруживает себя в структурах ролей, в которые данный индивид вовлечен, подколлективов системы, а также ее норм и специфицированных ценностных ориентаций. Наиболее известной основой классификации типов солидарности служат две категории Дюркгейма: [категории] механической и органической [со-

лидарности]⁵. Оба типа солидарности характеризуются общими ценностями и институционализированными нормами. В случае механической солидарности, однако, паттерны действия, ожидаемые от единиц, еще и единообразны для всех единиц в системе: относительно друг друга единицы являются *сегментами*, поскольку они функционально не дифференцированы. Дюркгейм анализировал преступление как нарушение обязательств, прототипическое для механической солидарности. У полноценных членов общества, сколь бы общество ни было высокодифференцированным, отношение к преступнику должно быть в идеале всегда одинаковым независимо от того, *кто* совершает преступление, даже если реальность часто и всерьез отклоняется от этого идеала. На уровне социетального сообщества в дифференцированных обществах ядро системы механической солидарности содержится в паттернах гражданства в том смысле, в каком их понимал Т.Х. Маршалл⁶. Эти паттерны удобно подразделять на компоненты: гражданско-правовое, политическое и социальное гражданство. В современном американском обществе институтами, наиболее непосредственно относящимися к этой области, являются билль о правах и связанные с ним конституционные структуры, такие, как 14-я поправка.

Органическая солидарность связана с теми аспектами социетальной системы, в которых роли, подколлективы и нормы дифференцированы на функциональном базисе. Хотя общие ценностные паттерны и сохраняют здесь первостепенную важность для различных подсистем на релевантных уровнях спецификации, ожидания в отношении поведения различаются в зависимости от роли и подколлектива. Солидарность, следовательно, предполагает интеграцию этих дифференцирующихся ожиданий соответственно различным основаниям совместимого функционирования, от взаимного невмешательства до позитивного взаимного подкрепления.

Органическая солидарность, видимо, особенно важна в трех первичных структурных контекстах. Самый известный [среди них] тот, который особенно подчеркивал сам Дюркгейм: экономическое разделение труда, где важнейшими институциональными паттернами являются договор и собственность. Второй — это то, что мы обычно называем сферой политической дифференциации. Сюда входят как организация господства и лидерства, так и различные способы участия в принятии коллективных решений, содержащие в себе взаимодействие информации и влияния, опирающиеся на коллективное действие. Третий [контекст] — это сфера связей общества с его культурными вовлечениями. Речь идет о сочленении общества прежде всего с религиозной системой, но также (и чем более это так, тем более дифференцированы общество и культура) с искусствами, с системой интеллектуальных дисциплин и с взаимоотношением между паттернами морального обязательства и паттернами права.

Органическая солидарность и плюрализм

Во всех трех контекстах органическая солидарность ассоциируется с феноменом, обычно называемым плюрализмом. Ни в одном из этих случаев структура подсистемы, сочлененной с социетальным сообществом, не приписывается структуре последнего. Напротив, чем выше уровень дифференциации между сочленяющимися подсистемами, тем более возрастает гибкость, облегчающая конкретные связи, устанавливающиеся относительно специфическими процессами. Так, прежде всего, есть плюрализм экономических интересов, который, если бы над ним не было контроля, вел бы к

⁵ См.: *Parsons T. Durkheim's Contribution to the Theory of Integration of Social Systems // Wolff K. (ed.) Émile Durkheim, 1858-1917: A Collection of Essays with Translations and a Bibliography. Ohio, 1960. P. 118-153.*

⁶ *Marshall T.H. Citizenship and Social Class // Marshall T.H. Class, Citizenship, and Social Development: Essays. Garden City, N. Y., 1949. P. 65-122.*

разрушению солидарности социетального сообщества; на самом деле можно даже предположить, что преувеличенная тревога по этому поводу лежит в значительной мере в основе той современной социалистической догмы, что только главному социетальному коллективу, государству, может быть доверен любой интерес, представляющийся важным для общественного благополучия. Есть, между тем, еще второй плюрализм — [плюрализм] «групп интересов» в политическом контексте, — который, хотя, конечно, и связан с экономическим плюрализмом, ни в коем случае ему не тождественен. Политический процесс как процесс, ведущий к принятию коллективных решений, является отчасти «политической борьбой» между такими группами интересов. Следовательно, он включает в себе внушительный потенциал для разрушения социетальной солидарности. Однако последняя может не только сдерживать борьбу, но и — в еще большей степени позитивно — упрочивать интеграцию разных групп посредством различных механизмов интегративного контроля. Наконец, более дифференцированное социетальное сообщество имеет тенденцию быть также и культурно плюралистическим. Это особенно бросается в глаза в тех немногих западных обществах, которые достигли определенного уровня религиозного плюрализма. По крайней мере, сегодняшнее американское общество является многоконфессиональным, иудео-христианским обществом, *включающим* также светских гуманистов, предпочитающих не принадлежать ни к какой открыто религиозной ассоциации. В каком-то смысле оно «превзошло» исторические основания религиозного конфликта, раздиравшего западный мир много веков. Основой этого служит подлинный деноминационный плюрализм, существующий не только по закону, но и благодаря принятию в сообществе.

Сюда очень тесно примыкает плюрализм интеллектуальных дисциплин, который достиг институционализации в современном обществе, особенно в университетской системе⁷. Подъем наук был изначально глубоким симптомом этой плюрализации. Теперь он стал основным фактором будущего развития современного общества в разных его аспектах. Проблема «этического» плюрализма в аналитическом плане сложнее и запутаннее. Похоже, мы уходим от того особого *рода* морального единообразия, который был характерным для обществ с преобладанием механической солидарности. Главное значение имеет уровень генерализации, на котором определяются общие моральные стандарты: чтобы плюралистическое общество интегрировало многообразие образующих его единиц в солидарное социетальное сообщество, то, что рассматривается как моральное обязательство, не может определяться в терминах, специфичных для каждого вида единиц, но должно быть достаточно общим для применения к широкому ряду дифференцированных классов единиц. Нравочение (*moralism*) связывает мораль со спецификой подгруппы или особой стадии социального развития, и его надо отличать от заботы о поддержании контроля над действием в соответствии с более генерализованными моральными стандартами.

Культурная система и политическая система

Социетальное сообщество, как мы его здесь понимаем, наиболее прямо сочленяется с культурной и политической подсистемами общества. Кроме того, именно в этих двух взаимоотношениях имеют место основные связи между органической и механической солидарностью.

Культурная система (или система поддержания паттерна) выстраивается вокруг институционализации культурных ценностных паттернов, которые на общем культурном уровне могут рассматриваться как моральные. Институционализированные социе-

⁷ *Parsons T. Unity and Diversity in the Modern Intellectual Disciplines: The Role of the Social Sciences // Daedalus. Vol. 94. P. 39-65.*

тальные ценности и их спецификации к социетальным подсистемам не исчерпывают всей релевантности моральных ценностей для действия; моральные ценности также вплетаются посредством интернализации в структуры личности и поведенческого организма, а на более высоком уровне генерализации сочленяются с религией, науками и искусствами внутри культурной системы.

Сообщество, в оговоренном здесь смысле, никогда не состоит всего лишь в «исполнении» ценностных обязательств. Оно предполагает, помимо прочего, дифференцированное принятие (в ценностных категориях) тех *условий*, которые необходимы для функционирования обществ и их подсистем. В сущности, этот последний элемент устанавливает границу между утопизмом — выдвижением императива осуществления ценности в «чистом виде» — и реалистическим социальным идеализмом. Во избежание утопической дилеммы требуется такая организация ценностной системы, которая включала бы позитивное оценивание социальных связей как самостоятельной ценности, а не просто как средств для [реализации] специфических ценностных паттернов.

Но это еще не все. Помимо общего «набора» (set), устанавливающего презумпцию легитимности для социальной системы как таковой, должен быть также более гибкий набор механизмов, обеспечивающих [взаимную] адаптацию между культурной подсистемой общества и самим социетальным сообществом. Эти механизмы отвечают за способность справляться с изменчивыми нуждами и потребностями различных ассоциационных отношений в свете как их развивающихся взаимных связей, так и их связей с ценностной системой; более партикуляризованные приверженности должны быть функцией меняющихся представлений об императивах отношений, определяющих природу «ценимой ассоциации». Приверженность социетальному сообществу — в той мере, в какой этот взаимообмен развивается гибко, — не является более аскриптивной, а зависит от потребности в такой приверженности и от оценки ее совместимости с более глубокими моральными приверженностями на культурном уровне. Один из аспектов этой гибкости — возросшая моральная независимость индивида от требований безусловных обязательств к конформности. Другой стороной этого является «право» общества ожидать надлежащей гибкости в приспособлении моральных требований к потребностям их реалистического осуществления.

Минимальные требования специфицированной *общей* ценностной приверженности определяют один полюс структур социетальной системы, организованной на началах механической солидарности. В этом контексте есть место и для органической солидарности, если такие приверженности настолько прочны, что *не* становятся «предметом переговоров», и настолько общи, что допускают некоторую гибкость в адаптации к партикулярным «потребностям», о которых только что говорилось. То, что я выше назвал нравоучением, есть пограничный случай, в котором недостаток общности (и, возможно, прочности) приверженности исключает эту гибкость. Базовые права членов в социетальном сообществе, если определять их негативно, задают пределы применимости этих ценностных приверженностей. Комплементарные обязательства членов перед социетальным сообществом определяют обратные ожидания вклада [членов] в функционирование социальной системы, которой они привержены.

В некотором смысле, «вознаграждение» таких обязательств проявляется в отношении между социетальным сообществом и политической подсистемой, поскольку последняя отвечает за достижение коллективной цели как функцию общества в целом и, *pari passu*, каждой подсистемы в условиях солидарности сообщества. Эта связь между социетальным сообществом и политической подсистемой означает дальнейший шаг в сторону преодоления обстоятельств в интересах осуществления ценностей. Тут дело не только в установлении особых отношений солидарности как «обстановки» осуществления ценности, но и в подчинении интересов этого сообщества особым коллективным целям, которое требует справляться с обстоятельствами особых условий среды. Для

индивида, стало быть, это подразумевает не только его личную приверженность цели, но и его обязательства как члена сообщества. Приверженность сообществу означает решение проблемы интегрирования сообщества в отношении той или иной «политики», вне зависимости от того, что оно в себе включает — развитие широкого консенсуса или безжалостное подавление взглядов меньшинства или даже большинства. Своего рода крайним случаем является вступление в войну, интегрирующее национальное сообщество независимо от того, что думают по этому поводу разные членские элементы, если только их сопротивление не идет на пользу врагу.

Как и в связи национального сообщества с «культурной» подсистемой, здесь имеются два существенно разных уровня. Один из них касается общего «полномочия» дифференцированных элементов в обществе обязывать к чему-то коллектив в целом при преследовании особых целей в особых ситуациях. Одной из крайностей в этом контексте было бы абсолютистское или деспотическое «правительство», гипотетически действующее так, как ему заблагорассудится, независимо от согласия или оппозиции в более широком социетальном сообществе. Противоположной крайностью было бы сообщество, ставящее любое коллективное действие в зависимость от практически единодушного и эксплицитного согласия.

Благодаря дифференциации этих двух уровней современные системы правления избегают попадания в указанную дилемму. Они вводят процедурные правила, определяющие уровень поддержки, необходимый для оправдания коллективного действия, обязательного для всего коллектива в целом, включая меньшинства, расходящиеся во взглядах в различных контекстах. Чтобы это работало, меньшинства должны быть уверены в легитимности системы правления, даже если они отказываются поддерживать отдельные политические решения текущего момента.

Между тем, для индивида (равно как и для политических меньшинств) такие ситуации могут представлять моральную дилемму. Выступая в своей роли ответственного члена социетального сообщества, включающей обязательство оказывать поддержку своему правительству (но не отдельным решениям или партиям), член подгруппы-меньшинства оказывается в какой-то мере обязан не только принимать политику, которую он не одобряет, но часто и активно соучаствовать в ее осуществлении. Тут, однако, может быть предел, за который совесть не позволит ему выйти. Тогда он окажется втянут в различные степени сопротивления — от уклонения от активного участия до публичного протеста, демонстративного несотрудничества, вооруженных попыток предотвратить или саботировать проведение политики в жизнь и далее вплоть до революции.

Развитие политической дифференциации и плюрализма, включающее в себя генерализацию решающих уровней политического обязательства, ведет к расширению диапазона индивидуальной свободы к инакомыслию, а также проводит границы между политически институционализированными (в отличие от моральных) правами на инакомыслие и оппозицию и правами, которые институционально определяются как незаконные. Базовая независимость культурно-моральных и социально институционализированных систем, однако, не позволяет *ни одному* социальному сообществу быть полностью защищенным от такого политического противостояния, которое может повлечь за собой разрушение его базовой солидарности.

Элемент механической солидарности относится здесь к *легитимации* полномочий на принятие коллективных решений. Такая легитимация должна вытекать из общих ценностных приверженностей социетальному сообществу и, следовательно, типам коллективного действия, считающимся легитимными, включая идентификацию инстанций, уполномоченных предпринимать такого рода действия. И наоборот, это связано также с правами элементов членского состава предоставлять или не предоставлять поддержку частным политическим программам и, в более общей плоскости, партикулярным притязаниям на статус лидерства. Призывы к такой поддержке должны, одна-

ко, опираться скорее на органическую, нежели на механическую солидарность. Процедурные правила становятся фокусом общих приверженностей, тогда как конкретные результаты становятся предметом законного соперничества.

Солидарность и экономика

Здесь мы можем напомнить, что Дюркгейм ввел понятие органической солидарности, анализируя разделение труда в экономическом смысле. Это было вполне логично в свете как тех утилитарных теорий, на которые он критически ориентировался, так и относительной удаленности экономики от фона системы механической солидарности, подобного тому, который только что обсуждался. Сосредоточение на экономической системе было наиболее удобным способом установить ясную концептуальную дихотомию.

Тем не менее, сейчас, видимо, лучше подойти к проблеме экономической системы не напрямую, а через отношения, связывающие ее с другими аспектами социальной системы. В нашем понимании, экономика — это функциональная подсистема общества, дифференцирующаяся вокруг производства и аллокации поддающихся передаче ресурсов в пределах общества. Как устанавливается во всем известной парадигме, она работает посредством комбинирования факторов производства — например, земли, труда, капитала и организации, — с целью производства двух первичных категорий выхода: товаров и услуг. Эти экономические категории — не физические объекты и не физическое поведение как таковые, а определенные способы контроля над ними: в случае товаров это, по существу, права собственности; в случае услуг — особый род господства или власти над исполнителем, который мы связываем со статусом работодателя.

Действительные комбинаторные процессы, которые мы называем экономическим производством, имеют место в целеориентированных организационных единицах, которые экономисты называют фирмами. Строго экономические функции относятся к управлению пограничными связями этих единиц посредством того, что обычно называют рыночной системой, и их надо отличать от технологических функций. Экономические функции включают в себе обеспечение контроля над факторами производства (включая определение требований к ним) и распоряжение выходами продукции через маркетинг. Эти процессы протекают за счет выравнивания отношений между предложением и спросом путем установления условий передачи контроля, которые уравнивают количество и цену для обоих участников обмена.

Первичным институциональным фокусом органической солидарности здесь является институт договора, который представляет собой, по сути дела, набор процедурных правил, регулирующих передачу факторов производства и экономических выходов. Этот институциональный комплекс не только регулирует действительное заключение договоров, но и определяет, какие типы договора могут — а какие не могут — быть заключены, как могут достигаться соглашения, как в них учитываются интересы третьих сторон и какие обязательства ложатся на стороны при всевозможных особых обстоятельствах вроде возникновения непредвиденных препятствий для выполнения условий договора.

Следовательно, институт собственности является нормативной системой, которая регулирует приобретение, распоряжение, контроль и пользование физическими объектами в соотнесении с договорной системой, независимо от того, являются этими объектами факторы производства или товарные выходы. А тот институциональный комплекс, который мы называем наймом, регулирует приобретение и утилизацию человеческих услуг — либо в качестве факторов производства, либо как конечных агентов ценимого потребления.

Генерализованные посредники обмена

В достаточно развитых и дифференцированных системах центральную роль в экономическом процессе играют деньги — и как символическое средство обмена, и как мерило и вместилище ценности в экономическом смысле. Деньги можно определить как способность общественной единицы распоряжаться экономически ценными ресурсами через процесс обмена, т. е. через договорные соглашения, без ответного предоставления товаров или услуг. Оплата деньгами конституирует передачу такой способности от одной единицы к другой. В большинстве сделок в развитой экономике вещи, обладающие «потребительной ценностью», фигурируют лишь с одной стороны обменного взаимоотношения, уравниваясь с другой денежным «возмещением». «Заплатить» деньги значит принять некоторые экономические обязательства, определяемые соразмерным уменьшением своей способности распоряжаться экономическими «ценностями» в других сделках. С другой стороны, принять деньги в качестве оплаты значит приобрести право на ожидание того, что другие предоставят экономически ценные блага и услуги в то время и в том месте, которые [человек сам] выберет, — в границах, заданных рыночным нексусом. В экономической науке давно стало общим местом, что только широкая институционализация денежного механизма может сделать возможным расширенное разделение труда⁸, хотя при этом известно, что политически контролируемая административная аллокация ресурсов может до какой-то степени заменить договорно-денежный механизм, как, например, в «командной» экономике Советского Союза, достигшей своего наивысшего развития в период позднего сталинизма⁹. Тем не менее степень «монетаризации» экономики, несомненно, служит важнейшим показателем мобилизуемости ее ресурсов и, следовательно, гибкости их аллокации на всех этапах комбинирования, от исходных природных ресурсов и человеческих энергий или умений до конечных потребительских благ и услуг.

Кроме того, деньги важны в теоретическом плане как самый понятный член семейства генерализованных символических посредников обмена, вовлеченных в процессы социального взаимодействия. Политическая власть и влияние, используемые в процессах политического лидерства, определенно принадлежат к этому же семейству¹⁰.

Экономика, как мы здесь ее понимаем, сочленяется с социальным сообществом в первую очередь через институциональный комплекс договора, собственности и системы найма-занятости. Ее солидарность поддерживается за счет удержания ее транзакций в согласии с определенными интегративными императивами, например, за счет защиты интересов обеих сторон договорных отношений и третьих сторон и за счет обеспечения в солидарных отношениях основы для эффективного коллективного действия, особенно через обеспечение экономическими ресурсами коллективных единиц, прежде всего правительства.

Подобно другим членам семейства посредников, деньги являются *символическим* посредником, который без всякой натяжки можно назвать специализированным языком. Как и все другие посредники, они выражают и передают сообщения, которые имеют значения, соотносящиеся с некоторым кодом — т. е. набором правил употребле-

⁸ См., например, классический тезис Адама Смита в сочинении 1776 года, кн. 1, особенно гл. 3. (*Smith A. An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Chicago, 1952.*)

⁹ См.: *Grossman G. The Structure and Organization of the Soviet Economy // Slavic Review. Vol. 21. P. 203-222.*

¹⁰ *Parsons T. On the Concept of Influence // Public Opinion Quarterly. Vol. 27. P. 37-62; Parsons T. On the Concept of Political Power // American Philosophical Society. Proceedings. Vol. 107. P. 232-262.*

ния, трансформации и комбинирования символов¹¹. Когда речь идет о деньгах как институционализированном посреднике, очень важно сознавать, что соответствующий код является частью *правовой* системы; яснее всего это видно в обществах, имеющих достаточно высокий уровень дифференциации. Как мы установили, институты договора, собственности и найма — как части правовой системы — конституируют код, в терминах которого осуществляются трансформации между деньгами и товарами или услугами и между разными формами денежных активов. Следовательно, финансовые транзакции конституируют определенный тип «разговоров».

Эта парадигма применима также к отношениям между социальным сообществом и другими первичными функциональными подсистемами общества. В случае политики аналогичным деньгам посредником служит *власть*. Ее я рассматриваю как генерализованное средство мобилизации способностей к эффективному коллективному действию, которым члены коллективов могут пользоваться для внесения вклада в принуждение коллектива к особым курсам действия, определяющим достижение специфических политических целей или вносящим в него свою лепту. (Это употребление понятия политической власти заметно отличается от широко принятого в социологии и политической науке; обсуждение вопросов, связанных с использованием этого понятия¹²). Код, в рамках которого функционирует власть как посредник, строится вокруг института *господства*, который в свою очередь сочленяется с паттернами институционализированного лидерства и административной ответственности за поддержание регулятивных норм.

В сфере сочленения с культурной системой действенным посредником служит то, что я называю *приверженностями*. Речь идет о спецификации общих ценностных паттернов на уровнях, необходимых для их работоспособного сочетания с другими факторами, требуемыми для их внедрения в конкретном действии. Прототипом здесь служит приверженность ценным ассоциациям типа социального сообщества (к сожалению, мне пока не удалось подготовить для публикации анализ приверженностей как посредника на том же уровне, на котором я анализировал деньги, власть и влияние). Кодом здесь является набор институтов, конституирующий основу механической солидарности общества; в американском обществе они сформулированы в билле о правах и т. д., как уже было указано. В этом контексте приоритетом обладает *гражданский* компонент, поскольку он формулирует ценностный базис членства в сообществе.

Наконец, само социальное сообщество является сферой действия для четвертого генерализованного посредника, который я назвал, в специальном техническом смысле, *влиянием*¹³. Здесь соответствующий код образуют нормы, лежащие в основе органической солидарности, поскольку они связаны с плюралистической структурой дифференцированных обществ. В силу того, что их первичным контекстом является контекст солидарности общества, мы можем считать их ядром *обоснования* аллокации лояльностей. Обоснование необходимо четко отличать от легитимации. Обоснование менее абсолютно и работает на низшем уровне кибернетической иерархии. *Система* вполне может быть легитимированной, тогда как вопросы обоснования некоторых вы-

¹¹ Теория функционирования таких типов сообщений и кодексов правил была разработана в лингвистике: в частности, Jakobson & Halle (*Jakobson R., Halle M. Fundamentals of Language. The Hague: Mouton, 1956.*); Chomsky (*Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton, 1957; Chomsky N. Current Issues in Linguistic Theory. The Hague: Mouton, 1964.*)

¹² См.: Parsons T. On the Concept of Political Power // American Philosophical Society. Proceedings. Vol. 107. P. 232-262.

¹³ Parsons T. On the Concept of Influence // Public Opinion Quarterly. Vol. 27. P. 37-62.

боров между альтернативными вторичными солидарностями могут все еще оставаться открытыми там, где возникают действительные или потенциальные дилеммы.

Эти разные кодовые компоненты в работающей социетальной системе более или менее хорошо интегрированы и образуют ее базисную нормативную структуру. Их следует отличать от первичных нормативных компонентов системы поддержания паттерна, так как последние образуются из ценностных паттернов и их спецификаций, а не из дифференцированных норм. Чтобы иметь легитимную основу, интегративно ориентированный код социетальной системы должен быть укоренен в ценностной системе. Вместе с тем его структура определяется не только спецификацией ценностей, но и приспособлением к нуждам других функциональных подсистем. В этом процессе приспособления интегративно ориентированный код, однако, все еще сохраняет некоторый уровень цельности в отношении ценностной приверженности и солидарности социетального сообщества. В высокодифференцированных обществах эта базовая кодовая система составляет ядро правовой системы.

Общества и их среды

Теперь мы можем перейти к проблеме связей общества как социальной системы с ее средами. Основу дифференциации между социетальным сообществом и другими тремя первичными подсистемами общества следует искать в той основе, на которой они в свою очередь дифференцируются от нее и друг от друга. В общем и целом, можно сказать, что причина существования этих паттернированных дифференциаций состоит в том, что они помогают социальной системе справиться с требованиями, исходящими от ее сред.

Органическо-физическая среда

Рассмотрение этой проблемы, наверное, лучше всего было бы начать с экономики, отчасти потому, что в отношении нее наиболее высоко развит релевантный теоретический анализ. В терминах нашей общей парадигмы, интрасоциальная связь между социетальным сообществом и экономикой имеет параллель на уровне общей системы действия в связи между социальной системой и поведенческим организмом.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что все связи между социальной системой и *физической* средой опосредованы поведенческим организмом. Перцептуальные процессы организма являются источником информации о физической среде, которая приобретает культурную организацию благодаря ее концептуальным и теоретическим компонентам. Организм является также источником «инстинктивных» компонентов мотивации в личностях индивидов.

Отношение между организмом и экономической подсистемой общества, которое нас непосредственно здесь интересует, конституирует *технологическую* систему. Речь идет о применении эмпирического знания, структурированного перцептуальной обратной связью через культурную систему, для изобретения и производства товаров, обладающих полезностью для человеческих социальных функций. *Что* именно будет производиться и в каком количестве в соотношении с альтернативными способами использования факторов производства (факторов издержек) — определяется экономически; а вот *как* это будет производиться — проблема технологическая. Технология предполагает не только использование первичных «природных» ресурсов (аналитически — «земельного» фактора) и «оборудования» (выгоды, [полученной] от предшествующего производства), но также труд — фактор, который, если выразиться социологически, принимает форму услуги. Это особенно важная категория взаимопроникновения между экономикой и другими частями социетальной системы. Услугу мы понимаем как «выход» (output) из экономики, который «соответствует» труду как фактору производства, но который ни в коем случае не следует отождествлять с трудом. Очень важно, вместе с

тем, что услуга — решающий фактор технологической эффективности. Эта внешне парадоксальная концепция вытекает из того, что технологические процессы всегда протекают в рамках *социальной* организации и никогда не бывают «чисто физическими» феноменами. Это означает, что физические, поведенческие операции лиц в технологических средах являются функцией их приверженностей — как членов социетального сообщества и его релевантных подсистем, — [которые обязывают их] посвящать свою энергию и мастерство продуктивным применениям в экономическом смысле. Далее этот человеческий компонент соединяется на уровне общей системы действия с эмпирическим знанием стандартов социоэкономической полезности, создавая способности (facilities), которые могут относительно свободно аллоцироваться в различные функциональные потребности социетальных единиц. Анализ в этих терминах может внести существенный вклад в решение старого вопроса о том, является ли материальный базис комплексной социетальной системы «в конечном счете» экономическим, технологическим или различие между этими категориями необходимо отбросить.

Физическое размещение — особенно важное вторжение технологических систем [во внешнюю для них среду], проистекающее из необходимости собрать воедино сырьевые материалы, помещение, оборудование и организмы [людей] как исполнителей услуги. Ролевая дифференциация между профессиональными и резидентными единицами, как правило, предполагает физическое отделение рабочих мест от мест проживания, хотя включенность одних и тех же лиц в обе единицы устанавливает определенные требования к физическим взаимосвязям местоположений этих единиц. В частности, современное городское сообщество выстраивается в весьма значительной степени вокруг взаимоотношения между этими двумя наборами местоположений.

Местожителство, как и род занятий, также сочленяет физическое местоположение и организм в социальную систему. Однако оно действует в контексте органического ритма, как-то сон, питание и сексуальная активность, без которых люди обойтись не могут. Еще одно ограничение состоит в том, что домохозяйство (которое, несмотря на многие исключения, остается обычной единицей проживания) имеет своим ядром родственные группы, опирающиеся на одну или несколько нуклеарных семей. Место проживания — это остаточное местоположение человеческого индивида, то место, где он, скорее всего, будет находиться и где часто нормативно ожидают его пребывания, когда он не занят такими особыми деятельностями, как работа и специализированный досуг.

Коммуникация и транспортировка — как благ, так и людей — требуют, следовательно, физических посредников и должны быть встроены в физический мир, и прежде всего, пожалуй, в его пространственные аспекты. Действительная передача сообщения от отправителя, [находящегося] в одном физическом месте, к получателю, [находящемуся] в другом, проблематична всегда, даже если эти двое заняты беседой лицом-к-лицу в одной комнате. То же самое относится к массовой коммуникации (газеты должны доходить из типографии до читателей, радио- и телепередачи должны передаваться через «воздух») и к доставке лиц и благ из одного места в другое.

В некоторых смыслах, однако, самой фундаментальной проблемой здесь является то, что нормативные порядки, конституирующие социальные системы, должны «применяться» к категориям лиц и их актам способами, включающими спецификации того, где эти лица или акты локализованы. В весьма общем смысле, следовательно, социетальное сообщество и различные его подсистемы «требуют юрисдикции» над лицами и их актами в соотношении с отдельными территориальными областями. Важнейшим аргументом в пользу значимости территориальности служит то, что нормативные обязательства, если принимать их серьезно, должны от случая к случаю каким-то образом насаждаться силой, а это требует в какой-то момент обращения к негативным физическим санкциям, которые могут быть применены к упрямому нарушителю норм только там, где он находится. Это, в свою очередь, очевидно, включает силовое утвер-

ждение притязаний на юрисдикцию над некой территорией (area) и на использование ее внутренних ресурсов, а, следовательно, готовность силой добиться уважения к такому контролю от аутсайдеров, т. е. функцию обороны¹⁴.

Таким образом, пространственное местоположение оказывается вплетено во все функции социальных систем. Его сочленение с социальными процессами есть то, что мы обычно называем экологическим аспектом системы, [имея в виду] распределение различных ее деятельностей в физическом пространстве и их ориентацию на пространственные соображения. В принципе, и все другие аналитически выделяемые аспекты физических систем приблизительно так же втянуты в социальное взаимодействие; а вышесказанное должно будет служить в качестве иллюстрации.

Ядро социальной системы — социетальное сообщество — связывается с физической средой главным образом через две опосредующие системы: через экономику, которая прежде всего социальна, но связана взаимопроникновением с технологической системой, и через технологическую систему, которая прежде всего является органическо-физической, но связана взаимопроникновением с экономикой. Органическо-физические факторы, стало быть, действуют [также] во всех других первичных подсистемах общества, каждая из которых имеет свои технологические и экономические аспекты, хотя [там] они подчинены другим соображениям, таким, как политические.

Культурная среда

Такая же сложность имеет место и на другом конце кибернетической иерархии, на котором проявляются действие и, следовательно, социальные системы. Общество, как и любой другой тип социальной системы, имеет подсистему поддержания паттерна, единицы которой (как только эта система в достаточной степени дифференцировалась) обладают *культурным* первичным значением. Эти социально-системные единицы, стало быть, связаны взаимопроникновением с социетальным сообществом (и другими подсистемами общества) и с культурной системой в собственном смысле. По мере возрастания дифференциации они все более отличаются друг от друга соответственно тому, является ли их первичное значение культурным или социальным.

Религия содержит в себе матрицу, из которой дифференцировались, в общем и целом, культурные институты, и остается «главенствующей системой» в кибернетическом смысле. Но мирские интеллектуальные дисциплины (наука), искусства в экспрессивно-символическом смысле и нормативные дисциплины (например, этика и право) достигли [при этом] дифференциации от нее.

Такова вкратце основная линия дифференциации культурной системы. Система поддержания паттерна, между тем, не является культурной системой в строгом смысле (хотя в настоящей статье ради простоты это различие не всегда проводилось); это подсистема социальной системы, теснее всего соединенная с культурной системой. Религия как *культурный* феномен *не* является частью системы поддержания паттерна. Скорее, соответствующей структурой является коллективная организация религиозных ориентаций, например, в церквях или в профетических движениях. Наука как корпус знания относится к культуре; университеты как коллективы, организующиеся вокруг развития науки путем исследований и ее передачи путем преподавания, являются частью общества. Структуры поддержания паттерна в этой связи имеют культурную первичность лишь в том, что их социетальные функции касаются взаимообмена с культурной системой, и в том, что они связаны с последней взаимопроникновением. Таким образом, религиозные ориентации и научные «системы знания» — составные части церквей и университетов, а не только «среды» для них.

¹⁴ *Parsons T. The Principal Structures of Community // Parsons T. Structure and Process in Modern Societies. Glencoe, Ill.: Free Press., 1960. P. 250-279.*

Как нет у человека прямого контакта с физическим миром, независимым от организмов (которые, однако, сами являются частью этого мира), так нет у него и прямого контакта с конечными неэмпирическими «основаниями» своего существования, [с тем], что Вебер называл миром «конечных реальностей». Его *объектами* в этом мире, на которые он себя ориентирует, являются не высшие сущности как таковые, а его представления о них. Они суть культурные объекты — части культурной системы на уровне действия — и, следовательно, связаны взаимопроникновением со всеми другими подсистемами действия.

Как структуры такого взаимопроникновения, «теологические школы» или «профетические движения», хотя весьма отличаются от религии как компонента культуры, являются культурными подсистемами общества, имеющими исходно религиозное значение, но при этом связаны взаимопроникновением с церквями или другими формами социальной институционализации религии. Точно так же правовые школы как компании правоведов представляют собой культурные подсистемы, тогда как суды являются социально-системными единицами, в которых правовые доктрины применяются к социальным ситуациям. В более строго когнитивных дисциплинах «компании ученых» образуют культурные подсистемы, которые часто заключают в себе «школы» на уровне культурного содержания, в то время как университеты и другие образовательные коллективы конституируют соединенные [с ними] социально-системные единицы.

В каких-то целях мы можем, как уже было выше указано, законно приравнять подсистему поддержания паттерна общества к культурной системе, поскольку ее первичной функцией является сочленение социальной системы как таковой, т. е. системы, конституируемой социальным взаимодействием, с культурными паттернами и нормами. Делается это, однако, ради краткости. В первом случае имеют место более сложные взаимосвязи, только что кратко описанные. Наряду с этим есть и дальнейшее усложнение. Любая система культурного содержания, особенно ценностная система, должна быть специфицирована, [т. е. переведена] с соответствующих наиболее общих уровней на уровни, имеющие отношение к весьма частным функциям и потребностям многочисленных и разнообразных подсистем. Например, каждая технологическая система, производящая особый товар, предъявляет особые запросы, для удовлетворения которых одних только общих принципов соответствующей науки недостаточно; подобным же образом в медицинской практике каждый случай в некотором смысле уникален, и врач должен приравливать свои общие медицинские познания к его специфике.

Один набор потребностей человеческих обществ здесь особенно важен. Он связан с последствиями того факта, что культура *усваивается* человеком в обучении; она не является частью его наследственного багажа. Если определять данное общество через институционализацию особых культурных паттернов, то необходимость интернализации этих паттернов в грядущем поколении уступает по функциональной значимости лишь поддержанию уровней этой культуры, присущих взрослым. Этот культурный императив, несомненно, лежит в основе функционирования институтов родства во всех известных человеческих обществах, а также — на более высоких уровнях дифференциации — [в основе] многочисленных видов и ступеней формального образования.

Вся эта подсистема институтов, равно как и те, которые ответственны за культурные нововведения (например, научно-исследовательские организации), должны быть включены в подсистему поддержания паттерна общества, которая характеризуется первичным взаимопроникновением с культурной системой действия. Родство, между тем, имея особую связь с заботой о ребенке, является подструктурой системы поддержания паттерна, действующей на наибольшем отдалении от соображений общей культуры; однако на надлежащем уровне спецификации ценностей оно *имеет* исходно культурное значение. Кроме того, оно связывается весьма специфическим способом не

только с обществом, но и с потребностями как организма, так и личности, о которых нужно теперь сказать несколько слов.

Психологическая среда

Личность, аналитически отличающаяся [нами] от организма, конституирует третью первичную среду социальной системы. Она связана взаимопроникновением с индивидуальным организмом в том явном и основополагающем смысле, что механизмы хранения усвоенного содержания должны быть органическими, равно как физические механизмы восприятия и познания, контроля над усвоенным поведением, а также основной мотивации.

Между тем, на уровне, на котором мы сейчас ведем обсуждение, личность образует отдельную систему, сочленяющуюся с социальными системами через их политические подсистемы, не просто в смысле управления (government), но [в смысле] всякого коллективного упорядочения. Это означает, что *первичный целевой выход из социальных систем* [происходит] *в личности их членов*. Хотя личности индивидов связаны ключевым взаимопроникновением с социальными системами, они не базовые составляющие социальных систем (как и наоборот), а именно их среды. Фрейд, особенно в поздних работах, весьма ясно высказался об обратном взаимоотношении: а именно, что первичная среда индивидуальной личности складывается из тех социальных систем, в которые она оказывается интегрированной. Знаменитый «принцип реальности» Фрейда — это принцип адаптации *ego* к *социальной* среде.

Я рассматриваю личность последней в ряду первичных сред социальной системы, так как из всех трех она реже всего концептуализируется как таковая. Эта концептуализация прямо противоречит давней традиции, [полагающей], что общество «состоит» или «образуется» из «индивидов». Последнее, может быть, и верно, если трактовать общество и индивида как конкретные сущности. Здесь, однако, *социальная система* и *личность* (конкретного термина «индивид» мы в этом контексте избегаем) используются как абстрактно определенные системы, которые аналитически разграничиваются, хотя [и с той оговоркой, что между ними] допускается решающее отношение взаимопроникновения. Единицей взаимопроникновения между личностью и социальной системой является не индивид, а *роль* или комплекс *ролей*. *Одна и та же* личность может участвовать в *нескольких* социальных системах в разных ролях.

С точки зрения психологии личности, позитивными выходами из социальной системы являются вознаграждения. На самом деле я бы даже сказал, что на уровне культурной символизации — за исключением промежуточных случаев, особым образом впутанных в узел дифференциации между организмом и личностью (прежде всего, эротического удовольствия), — все вознаграждения являются социально-системными выходами. И наоборот, выходами из личности в социальную систему являются личные целедостижения, которые с точки зрения получающей социальной системы вносят *вклад* в ее функционирование, в той мере, в какой эти две системы интегрированы друг с другом.

Средоточием такой интеграции является феномен «идентификации», посредством которого личность обретает мотивационно и когнитивно значимый набор ролей, а социальная система получает члена, который может вносить [в нее] значимые вклады. Недостаток интеграции (malintegration) означает, что это отношение соответствия так или иначе не установилось; в эту категорию попадают «девиантность», «отчуждение» и множество других феноменов. Также принципиально важно допустить креативность личности по отношению к социальной системе. Аналитическая независимость социальной системы и личности [друг от друга] является основным источником как повсеместности девиантного поведения, так и открытости для творчества. Частые сетования, будто социология учит необходимости плоской «конформности», — вопиющий пример ошибки неуместной конкретности. Так было бы, если бы наши аналитические генерализации о социальных системах «прикладывались» без оговорок ко всем личностям

членов. Взаимная независимость двух категорий систем, [о которых здесь говорится], хотя и объясняет их взаимозависимость и взаимопроникновение, служит теоретическим базисом для фундаментального и общего феномена автономии индивида, насколько дело касается [автономии от] социальной системы.

Два важных соображения подкрепляют это утверждение о реальности личностной автономии, степени и виды которой должны рассматриваться как меняющиеся вместе с разными типами социальной системы. Прежде всего, если рассматривать личностную систему аналитически и отдельно от ее прямой связи с социальной системой, она есть «место встречи» культурной системы, поведенческого организма (в *первичном* смысле) и физического мира (в смысле вторичном). Хотя последнее поколение [представителей] поведенческой науки столкнулось с серьезными теоретическими трудностями в своих исследованиях «культуры и личности», в центре их внимания оказалась взаимосвязь, имеющая здесь решающее значение; то же можно сказать о «бихевиористских» традициях психологии, которые исследовали взаимосвязи между личностью и организмом. Следовательно, можно говорить не только о том, что личность автономна *как* отдельная подсистема действия, но и о том, что эта автономия существенным образом укоренена во взаимодействиях личности с культурным и органическим уровнями организации действия. Эти три группы доводов (плюс уникальность генетической конституции практически каждого человеческого организма) в достаточной мере объясняют *нередуцируемость* своеобразия всех человеческих личностей, а также их автономии.

Второе соображение вытекает из того внутреннего свойства социальных систем, которое обычно называют «ролевым плюрализмом». То есть [дело] не только [в том, что] индивиды втянуты в исполнение множества ролей, но также [в том, что] *комбинации* ролевых частей у разных индивидов оказываются очень разными. Эта изменчивость включает комплексы различающихся ролей, которые часто в каких-то ограниченных целях объединяются в одну категорию. Так, одна «мать из пригорода, принадлежащая к среднему классу» может иметь одного ребенка, другая — троих, третья — пятерых, и распределения детей по полу и возрасту могут быть разными, так что даже «быть матерью» для разных членов этой категории не одно и то же, даже социологически. Сюда же можно добавить различия, связанные с родом занятий мужей, религией, этничностью, участием в делах сообщества и т. д.

Когда работает так много взаимно не зависящих друг от друга — хотя и взаимосвязанных — факторов, всякий, кто знает логику комбинаторной изменчивости, неминуемо обнаружит, как трудно утверждать, что современное, высокодифференцированное общество несовместимо с индивидуальностью. Конечно, при этом остаются еще вопросы о *специфических видах* автономии и индивидуальности, находящихся под угрозой. Однако голословные заявления, будто современные общества подавляют любую автономию и душат всякую индивидуальность, зачастую настолько чрезмерно обобщаются, что, кажется, вовсе отрицают только что представленный в общих чертах комбинаторный аргумент. Кроме того, можно уверенно утверждать, что *современное* общество, ставшее в столь высокой степени дифференцированным и плюралистическим, имеет тенденцию скорее позитивно благоприятствовать индивидуальности, чем подавлять ее в пользу конформизма.

Здесь мы ограничились наше внимание человеческими социальными системами и подчеркнули важность символических систем, называемых нами культурными, которые становятся конститутивными для них через втягивание в действие и через взаимопроникновение с социальными системами. Пожалуй, наиболее общей матрицей этих символических систем служит язык. Понятие социальных систем обладает для нас очевидностью на различных уровнях; это, например, [системы] «идей», имеющих пре-

имущественно когнитивный фокус, и [системы] «экспрессивных символов» в искусствах и в ритуале.

Еще раз о посредниках обмена

В заключение мы можем кое-что добавить к начатой ранее дискуссии о другой категории символических систем, приобретающей огромную значимость в высококодифференцированных социальных системах: [речь идет о] посредниках обмена. Выше уже обращалось внимание на деньги как средство обмена в экономических транзакциях. Хотя экономическая наука ушла далеко вперед в понимании чрезвычайно сложных феноменов денежных систем, обычно они рассматривались как уникальные. Я предположил, что деньги не уникальны [по крайней мере] в двух смыслах.

Во-первых, их можно рассматривать как частный случай весьма общего феномена — языка. Это и в самом деле очень высокоспециализированный язык. Решающее значение здесь имеет осознание того, что он функционирует на *символическом* уровне и что первичной его функцией является коммуникация, хотя и особого, нормативного сорта. «Денежная система» — это *код*, в грамматико-синтаксическом смысле. Обращение денег — это «отправление» сообщений, дающих получателю возможность (*сараcity*) распоряжаться благами и услугами через рыночные каналы. Получатель приобретает *ожидание* того, что благодаря обладанию деньгами он может «запрашивать» доступ к благам и услугам, имеющим некоторую данную ценность. На тех, кто получает такие запросы, — если они «заняты торговлей» — лежит институционализованная обязанность их удовлетворить. Процесс денежного обращения не включает в себе буквально ничего, кроме коммуницируемых сообщений. Чек — всего лишь заполненное формальное письмо к банку, в котором открыт счет.

Во-вторых, деньги — не единственный специализированный язык такого рода, действующий в социальных системах. Политическая власть определенно является еще одним [таким языком]. Она сосредоточена вокруг использования дискреционных полномочий в коллективных организациях для принятия решений, которые, будучи обязательными для коллектива, требуют исполнения [со стороны] тех, кто обязан участвовать в их реализации. Применение власти в этом смысле конституируют не только административные решения, но также осуществление права голоса в самых разных контекстах — от голосования на выборах в государственные органы до голосования в какой-нибудь небольшой комиссии.

Третий генерализованный символический посредник — это влияние. Под ним я подразумеваю, в сугубо специальном смысле, способность достигать «консенсуса» с другими членами ассоциированной группы путем убеждения, без необходимости приводить в полном объеме адекватные доводы (адекватный довод, в этом смысле, означает довод, который дает реципиенту достаточно информации, чтобы он мог принять рациональное решение сам, либо довод, который, по крайней мере, полностью ему понятен). Так, врач как технический специалист может убедить пациента последовать его совету даже тогда, когда не подлежит сомнению, что пациент компетентен понять его техническую подоплеку. Как часто говорят члены этой профессии, пациент должен «довериться» своему врачу.

Четвертый посредник — генерализованные *приверженности* внедрению культурных ценностей на уровне социальной системы как таковой. Его труднее всего концептуализировать, и о нем меньше всего возможно что-то сказать.

Потребность в генерализованных посредниках обмена — функция дифференцированности социальных структур; в этом смысле все они являются отчасти интегративными механизмами. Связь рынков и денег с разделением труда хорошо известна; подобные соображения применимы и к другим случаям.

Что касается политики, то необходимость механизма власти вытекает из социальной «статусной дистанции» между местами (*loci*) принятия решений и местами исполнений, необходимых для реализации этих решений. В сложных организациях те, кто принимает решения, лишены реалистической возможности советоваться по каждому поводу с каждым человеком, от послушания которого зависит эффективная реализация их решений. Сюда могут подключаться такие факторы, как время и неотложность, вопросы технического характера, доступ к специальной информации, различные потребности координации. Так, выборы должны вести к сосредоточению власти в руках избранных кандидатов. Однако при этом не может быть простого консенсуса между всеми членами электората и кандидатом, которому отдано предпочтение; это было бы несовместимо со свободой выбора голосующего. Следовательно, индивидуальный избиратель должен согласиться принять обязывающее решение, что он предпочитает кандидата *X* кандидату *Y*. Если достаточное число голосующих поступит точно так же, *X* будет избран. Электоральные органы обязаны подчиниться агрегату решений избирателей.

В случае влияния функциональная потребность требует устранения некоторых разрывов между основаниями принятия «совета» (в смысле попыток убедить [кого-то в чем-то] без каких-либо ситуационных принуждений и угрозы силовых санкций) и внутренне убедительными «доводами» в пользу такого принятия. Сложные сообщества не могут ждать исчерпывающе рациональных доказательств целесообразности всех приверженностей. Следовательно, они должны полагаться на влияние, или, как мы иногда говорим, престиж, которым пользуются лица в ответственных ролях. Тот, кто пользуется влиянием, создает *презумпцию* разумности своего дела, так что объект его попыток убеждения в общем и целом чувствует в себе разумную уверенность, доверяя ему.

Аналогичным образом и приверженности предоставляются другим тогда, когда индивид входит в ситуацию (то есть производит, или, правильнее сказать, предоставляет приверженность), фактически не будучи до конца способным гарантировать, что процесс осуществления действия будет совершен способом, ведущим к сохранению или укреплению чистоты его ценностей. Таким образом, в каком-то смысле, ином, нежели в контексте влияния, ему приходится либо доверять другим, либо жертвовать перспективой успешного завершения [дела]. В свою очередь, другие должны доверять ему ради претворения [в жизнь] *их* приверженностей. Именно в этом смысле приверженности можно трактовать как «пробывающий в обращении» посредник.

Эти посредники появляются в генерализованной и дифференцированной форме только тогда, когда в соответствующих сферах достигнуты относительно высокие уровни дифференциации. Примитивные общества никогда не имеют денег и рыночных систем, а многие архаические общества если и имеют их, то лишь в зачаточной форме. Политические структуры, которые Вебер называл «патриархальными», не имеют власти как *генерализованного* посредника, а «патримониальные» режимы демонстрируют лишь первые ее ростки.

В зонах взаимопроникновения между социальной системой и другими первичными подсистемами действия функционирует, видимо, еще одна группа генерализованных посредников. Как уже было отмечено, то, что Фрейд называл эротическим удовольствием, является одновременно органическим [явлением] (то есть компонентом личности) и — ввиду его включенности в межличностные отношения — компонентом некоторых элементарных социальных систем. То, что психоаналитики и прочие социальные психологи называли *аффектом*, есть, вероятно, еще один такой механизм, функционирующий скорее среди людей во взаимобмене между личностью и социальными системами, нежели в прямой связи с организмом. Два известных «желания» — желание признания и желание отклика, — обсуждаемые У.А. Томасом, возможно, указывают на еще один посредник, который, однако, может быть подразделом более общего меха-

низма аффекта. В органическо-физическом комплексе взаимосвязей так же, вероятно, следует рассматривать технологические «ноу-хау» и мастерство.

Еще один комплект посредников действует в зоне взаимопроникновения между социальной и культурной системами. Очевидный пример — идеология. К этой же категории, по-видимому, относится и понятие *совесть*, особенно [в том смысле], в каком оно используется в пуританских традициях. Еще одним случаем является, вероятно, *репутация*, [в том смысле], в каком этот термин употребляется при обсуждении социальной структуры научных сообществ. Понятие *вера* (faith), как оно используется в христианской традиции, особенно в протестантизме, указывает, вероятно, на генерализованный механизм, особым образом присущий культурному уровню организации действия.

Относительная характерность различных генерализованных посредников взаимодействия (и частных случаев внутри них) для специфических структур — полезный ориентир для [изучения] структурных упорядочений между и внутри подсистем более генерализованных социальных систем, особенно обществ. Мы уже утверждали, что ядром общества служит социетальное сообщество, которое, с функциональной точки зрения, является интегративной подсистемой. Оно напрямую связано взаимопроникновением и взаимодействиями с каждой из других первичных подсистем: с подсистемой поддержания паттерна, или культурно-первичной подсистемой; с подсистемой целедостижения, или политией; и с адаптивной подсистемой, или экономикой. Центральным для социетального сообщества посредником служит влияние, которое взаимно обменивается на власть, деньги и ценностные приверженности.

Каждая из трех других подсистем конституирует зону первичного взаимопроникновения и взаимодействия между социальной системой и одной из ее сред, внутренних для [системы] действия. Экономика взаимно обменивается с органическо-физической средой; и деньги в достаточно дифференцированной экономике могут использоваться для обмена на факторы производства, которые далее также комбинируются с технологией. Хотя современная экономика строится прежде всего вокруг финансовых институтов и рыночных систем, последние, в свою очередь, связаны взаимопроникновением с технологической организацией производства.

Полития связана взаимопроникновением прежде всего с личностью. Власть как посредник, имеющий первичное политическое значение, может использоваться для приобретения как человеческих услуг, так и требований [в отношении] коллективного действия, которые оправдывают руководительскую инициативу. В основе этих двух форм «мобильных» человеческих ресурсов находятся процессы, которые их порождают и стабилизируют. Здесь взаимопроникновение между социальной системой и личностью выводит как к психологическим «глубинам» личности, так и к реляционным контекстам, выражающим базисную интеграцию социальных систем. В этот контекст входят прежде всего семья и родство, соседство и образование, но вместе с тем и такие комплексы, как рекреация. Они, однако, функционируют на уровне, совершенно отличном от прямых взаимодействий между личностью и политией. С *макросоциальной* точки зрения, следовательно, их необходимо трактовать как процессы поддержания паттерна.

Наконец, взаимопроникновение между социальной и культурной системами очевиднее всего связано с местом религии относительно социальной структуры. Фактически первичные структуры наиболее примитивных обществ почти целиком укладываются в две базовые категории — родства и религии. С последующей дифференциацией, однако, религия становится все более отлична от политической организации. Кроме того, она отделяется от экономического структурирования, тогда как последнее продолжает приписываться родству и, прежде всего, политике (в широком, аналитическом смысле).

В сравнительно развитых обществах культурная система сама начинает дифференцироваться, особенно благодаря появлению светских культурных дисциплин. Так, право, тесно связанное с этической философией, искусства, переставшие быть откровенными служанками религии, и наука, обычно в этом ряду последняя, стали независимыми культурными областями, хотя они всегда являются *также* взаимозависимыми и взаимопроникающими друг в друга и в социальную систему. Ценностные приверженности конституируют основной *социетальный* посредник, действующий в этой области, хотя разные другие [посредники] также вторичным образом в нее втянуты. Современное общество, стало быть, содержит значительное число структурных единиц (units), имеющих первичное культурное значение. Религиозные коллективы вряд ли даже нужно упоминать, настолько они с любой сравнительной точки зрения бросаются в глаза. Современные общества во все большем масштабе имеют университеты, институционализирующие интеллектуальные дисциплины, то есть в некотором смысле науки, различные организации, сосредоточенные на искусствах, а также чрезвычайно важные институты высокогенерализованного права, соединенные [различным образом] с этикой.

Итак, социальная система — очень сложная сущность. Как организация человеческих интересов, деятельностей и приверженностей, она должна рассматриваться как система и в функциональной перспективе. Это дает ключ к ее принципам организации, ее способам дифференциации, и ее интеграции. Такую систему можно рассматривать *и* как структуру, *и* как процесс, в разных аспектах и под углом зрения разных научных задач. Со структурной точки зрения, мы предположили, что есть двойное основание для систематизации дифференциации и изменчивости: основание, внутреннее для самой первичной социальной системы, и основание, заключенное в ее связях с ее первичными средами, анализируемыми в рамках общей системы действия. С процессуальной точки зрения, категории анализа должны вытекать из [категорий анализа] структуры и интегрироваться с ними. Я предполагаю, что, в силу центрального положения языка в определении человеческого общества, основную схему систематического анализа социально-системных процессов конституируют более дифференцированные и специализированные символические посредники взаимообмена.

Перевод В.Г. Николаева